

Р. Д. 2001

М.С.

Марченко

Сенсации

Стихи Ахматовой и Пастернака заучены, раздерганы на цитаты. Запет-перепет Высоцкий. Хор новых стихотворцев, по меткому замечанию Межирова, старательно исполняет сольную партию Бродского.

И никто не слышал про Михаила Саввича Марченко.

А без Марченко (не путать с диссидентом-однофамильцем), хотя нет его ни в каких «Строфах» и «Самиздатах века», русский поэтический ХХ не полон.

Отдаю себе отчет, как трудно поверить в это читателю. Мне тоже было нелегко. Я поверил.

Все-таки лучше сказать по-другому: я не поверил глазам своим.

Места мало, не знаю, что цитировать. Чтоб товар лицом. Чтоб захлебнулись восторженным воплем. Слабых страниц нет. Может, это:

Старик намедни помер.
Ровесник мой, я знал.
Жил тут, в соседнем доме,
мне из окна кивал.
Всегда - домашних ради -
где очередь, там встал.
Всплакнули. Больше рады:
жилплощадь опростал.
Жгут рухлядь, обеленью
чуланчик предают
и клеят объявление,
и комнату сдают...

Моск. правда - 2001. - 20 июля. - С-6

Жизнь после смерти

Как, в сумерки, бывает,
иду, плетусь едва,
еще в окне кивает
седая голова.

Кто в советские годы жил, поймет, что значит: «Где очередь, там встал». Остальному пояснения не нужны. Изысканная прелесть слова, согретого сочувствием: жалостью, скорбью.

Марченко себе цену знал. «Далеко тебе брести, / а уж снигло солнце долу. / Под лучом ко-сым блестит / в колее стекла осколок. / Все же погоди хоть миг, / погляди - пока искрится: / этот взблеск, как этот стих, / может быть, не повторится!»

Вроде все, как у других. И все - как ни у кого. Он с парадоксальной точностью выразил разницу меж эпигонами и собой: «Кропатель со стихами сдюжит: / там слог подложит, тут состружит / и гладит и наводит лак - / и выглядят они все хуже... / А я так остав-ляю так!»

Марченко родился в 1909-м, умер в 1989-м. Долгая жизнь. Она кажется особенно долгой, если знать, что он не публиковался при жизни.

Из старинного рода Энгельгардтов («мой род в затмении лихом»). Сын херсонского городского головы, расстрелянного большевиками в 1920-м в подвале собственного дома. Мальчику было 11 лет. Сестры старшие оказались в эмиграции, он - в Москве. В числе разнообразных занятий была математика, это причудливо-горько вспоминается в стихах: «Вечор усталым в городе бродил / с одним рублем, а гол-под брюхо гложет, / и на лотке вдруг алгебру купил. / Принес домой, но даже не раскрыл: / мне нечего делить и не для кого мно-жить... / Я думал - молодость веротится, быть может». Был у него также диплом бетонщика, была живопись, музыка. Здесь приве-ду стихи: «Два фото в бюваре. / Время пылит. / «Пиши мемуары!» - / собрат велит. / Страх, вдуматься ежели! / Райх, Мейерхольд... / Зачем зарезали? / За что - в рас-ход? / Писать мемуары?! - / За-быть! Забыть!!! / Благо, что стар-ый: / дожить, не быть».

Почему у Марченко хранились снимки Мейерхольда, его жены? Он был в театре Мейерхольда зав-

литом. Среди его друзей были легендарные артисты - Эраст Гарин, Качалов, Образцов... Его привечал Максимилиан Волошин.

В армию Марченко не взяли - из-за глухоты. После войны он перебрался из Москвы в Киев, потом во Львов. Работал в русском театре Прикарпатского военного округа, на мотозаводе. Говорят, что ездил к своему любимцу В. Распутину, просил помочь с книгой. Книга не вышла. Он становился все старше, все более одинок, несчастен. Развилась гангрена, ампутировали ногу. До последних дней Марченко писал. И переводил: Байрона, Киплинга, Вийона, Верлена, Рембо, Гейне, Брехта, Стаффа, Галчиньского.

В его стихах пронзительные прозрения: «Все люди - ангелы иль демоны. / Но это - в музыке, в стихах... / А так, в самих себе, совсем они / ни то и ни другое - прах. / Но прах томящийся, тоскующий, / бегущий прозы, снявший сны, / все развенчавший, а взыска-ющую / потусторонней сторо-ны». Любовная лирика немногословна. Эпилог: «Меж нами про-легли года, / как степь, поросшая

полынью, / одной горчайшею по-лынью, / полынью слова НИКОГ-ДА!» Одно стихотворение о смерти посвящено Шопенгауэру:
- Еще. Где выбрать

Вам гилу,
герр Шопенгауэр?.. -
И тут
он улыбнулся через силу:
- Меня найдут.

Марченко после смерти нашли два киевских стихолоба - Всеволод Николаев и Риталий Заславский. Они под эгидой журнала «Радуга» издали три сборника: «Слова являются без зова...» (стихи), «Невероятно очевидное» (сатира, юмор), «С шести языков» (переводы). Это начало постбиографии выдающегося поэта. Воспевшего homo sapiens с оговорками: «...Безумием поражены... / Мятемся, жаждем, алчем. / Ищем / чужой судьбы, запретной пищи, / неверной ближнего жены».

И - как постскрипум:

Я праздную
не по календарю,
а в черную дату,
наугад взятую,
мычу соль-минорную,
двадцать пятую,
и жизнь - именинником -
благодарю.

Владимир ПРИХОДЬКО.